Марина Важова

ПЕРСТЕНЬ МАЗЕПЫ

Под знаком огненного дракона. Книга 2

Марина Важова

Перстень Мазепы. Под знаком огненного дракона. Книга 2

«Издательские решения»

Важова М.

Перстень Мазепы. Под знаком огненного дракона. Книга 2 /
М. Важова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513642-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Перстень Мазепы» — 2-й том детектива «Под знаком огненного дракона». 1-й том — «Жанна Лилонга».Череда мистификаций, где люди и предметы имеют множество личин, а преступления похожи на жестокий розыгрыш, преследует Гриню, угрожает его жизни. Он пробует отказаться от борьбы, уйти в шоу-бизнес. Но и там неудачи не оставляют его. Следователь близок к разгадке, однако личность преступника не вписывается в разработанную схему. Ведь если взглянуть на события его глазами, они выглядят совсем по-другому.

ISBN 978-5-00-513642-8

© Важова М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. ЧЕТЫРЕ ДЕВЫ 6
Нуля 6
Бурятские корни 10
Охота на ведьму 13
Падения и взлёты 17
Часть 2. ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА 21
На дне колодца 21
Провокация 24
Повторное воплощение 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Перстень Мазепы
Под знаком огненного дракона. Книга 2

Марина Важова

Кто это в небе,
Лентой серебряной шьёт?
Дракон в облаках…
Морио Таскэ

Редактор Маргарита Сарнова
Корректор Антонина Егорова

© Марина Важова, 2021

ISBN 978-5-0051-3642-8 (т. 2)
ISBN 978-5-0051-3542-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. ЧЕТЫРЕ ДЕВЫ

Нуля

Жизнь Нины Чичмарёвой делилась на две неравные части: до развода родителей и после. И если первая, закончившаяся в восемь лет, четыре месяца и двенадцать дней, вспоминалась преимущественно хорошим, то вторая, полосатая, в которой лазоревые лучики лишь изредка прорывали землистое брюхо тучи, радости не приносила. Хотя, если поразмыслить, в первой жизни тоже хватало туч: частое отсутствие матери, скандалы родителей – иногда по несколько дней кряду. Но всё это скоро забылось, припудрилось сонной взвесью тоски и скуки в том безликом, почти деревенском дворе, с кошками, ржавыми бочками и наглыми голубями-пачкунами, так и норовящими зацепить крылом её жёсткие волосы.

Два превосходных качества жизни «до» – полная семья и Питер. И хотя Металлострой был в черте города, он являл собой эклектичное поселение, где разномастные дачи соседствовали с бетонными громадами пустых заводов, коробками новостроек и «сталинками», построенными пленными немцами. Даже спустя много лет, яркие праздники жизни «до» выпукло свидетельствовали о счастливом детстве. С красным плеском знамён первомайской демонстрации, где она, невообразимо высоко, на плечах у папы, и мама нарядная, с шоколадным сладким поцелуем, и брат Гринечка улыбается снизу и держит её за носок нового зелёного ботинка.

Семья в одночасье распалась, и произошло это всё же на год позже развода, когда Нуля, сидя с отцом на диване в открытом кузове грузовика, бросила последний взгляд на окно-фонарь, как всегда наполовину занавешенное прожжённым посередине клетчатым пледом. Потом неоднократно она приезжала сюда: и вместе с отцом, и с Гринечкой, и много позже, уже после смерти мамы, одна. Но этот дом больше не был её домом, она приходила в гости и, пытаясь проникнуться той, прежней, счастливой жизнью, каждый раз получала под дых. То ей на глаза попадалась некогда приклеенная на дверной косяк сантиметровая лента с отметками её роста и датами, подписанными химическим карандашом, то санки с деревянной гнутой спинкой, постоянно висящие на стене в прихожей и оттого ставшие невидимыми.

Казалось бы, эти посланники прошлого должны радовать и умилять, но ничего подобного не происходило. Нуля чувствовала себя беженкой, попавшей в свой дом, где живут чужие люди, спят в её кровати, едят за её столом и смотрят в окно на её аккуратно застеленную гранитом набережную, такую строгую, питерскую. С которой и сравнить нельзя дощатые сходни речки Ижоры, несущей свои илистые воды в ста метрах от её теперешнего жилья. И хотя Нулю никто не гнал, даже уговаривали остаться ночевать – куда ты поедешь в такую поздноту! – она неизменно прощалась и уходила. А они оставались и принимались за прерванные её появлением дела.

Лишь наезды Грини к ним, в двухэтажный кирпичный барак, скрашивали тоску и прозябание. Отец поначалу был настороже, разговаривал с пасынком неприязненно и сухо, но вскоре оттаял и проникся доверием. Вплоть до того, что отпускал Нулечку с «этим мальчишкой» в город: к маме, в музеи и театры.

Только здесь, на старых питерских улицах, в насыщенном воздухе концертных залов, между выставочными стендами, Нина ощущала полноту жизни. И потом, в электричке, ещё долго заново переживала все, даже самые пустяковые, впечатления, внося в воспоминания post factum коррективы, если данность выпадала из критериев счастья.

Это и была её среда обитания, как бы сейчас сказали, виртуальная реальность, где имитация жизни настолько к ней приблизилась, что зачастую подменяла. Нина впадала в привычные грёзы, едва лишь входила в вагон электрички с платформы Московского вокзала. Этот шаг,

казалось бы, отделяющий её от столичной жизни, на деле был стартёром, запускающим бесконечное вращение внутреннего «колеса обозрения». Так что уставший за день Гриня мог спокойно читать или слушать плеер, нисколько не заботясь о развлечении сестры, к этому моменту ограничив свои обязанности лишь доставкой по адресу её лёгкого, инертного тела.

Вплоть до следующего «культпохода» это тело совершало отработанные движения, голосовые связки по необходимости извлекали осмысленные звуки, глаза – материны, цвета переспелой вишни – то следили за текстом учебника, то в море разливанном гигантской лужи, возникшей после обвальных дождей, высматривали островок суши, куда можно было бы перепрыгнуть. Впрочем, добраться, не промочив ног, до противоположного берега не удавалось никому, кроме Господа Бога, о котором Нуля, конечно, знала, но так обрывочно и противоречиво, что брать в расчёт эти сведения смысла не имело.

Из мелкой, плаксивой девчонки с проволочными волосами Нина постепенно превратилась в молчаливую, внимательную девочку, а потом в девушку, тоже молчаливую, погружённую в недра летаргической полуяви. В том же состоянии она получила паспорт. Это совпало с исчезновением брата, и Нуля была потрясена не столько тем, что никто ничего о нём не знает: куда уехал, когда вернётся? – сколько прекращением «материализации» грёз. Мама к тому времени была безнадёжна. Нуля пробовала приезжать, помогать, только заканчивалось это каждый раз приступом истерики, так что посещения прекратились.

Казалось, хуже быть ничего не может: пропажа Гринечки, тяжёлая болезнь матери, беспросветное дремучее существование с жалящими осами-убийцами – так Нуля описывала в своём дневнике школьные стычки с одноклассниками. Но, как справедливо подметил пролетарский писатель Максим Горький, «всё относительно на этом свете, и нет в нём для человека такого положения, хуже которого не могло бы ничего быть». Случилось и худшее.

Лишь много позже она осознала, что всё началось давно, почти сразу после переезда. Отец тогда только-только устроился работать в тепличное хозяйство, и от него постоянно пахло землёй и навозом. Стояло лето, так ненавидимое Нулей из-за нападок разнообразных кровопийц: комаров, мошки́, слепней, а в затонах Ижоры – мерзких чёрных пиявок, из-за которых, чтобы искупаться, приходилось тащиться на Неву, к спуску за кладбищем.

По выходным во дворе, за врытым в землю железным столом, собирались любители шахмат и устраивали турниры. Отец поначалу лишь стоял и смотрел, но после двух-трёх толковых замечаний, высказанных в свойственной ему почтительной и уверенной манере, на него обратили внимание и предложили сыграть. Но и тогда ему хватило такта превратить верный выигрыш в ничью. Все это поняли и по достоинству оценили.

Шахматами в их семье – бывшей семье – владели все. Гриню научил отец, что давало отчиму лишний повод отругать за «дурацкие дебюты». Но со временем, когда гостевые приезды пасынка вошли в отлаженный ритм и семейные поединки возобновились, пресловутые «неправильные» дебюты были освоены отчимом и признаны партнёрами по железному столу.

Кто-то из игроков подсуетился, и над игроками укрепили навес с опорами из металлических флагштоков, некогда вздымавших разноцветные флаги вдоль «Аллеи стран СЭВ[1]». Прозрачную пластиковую крышу, от рождения синюю, но ставшую со временем блекло-сиреневой, добыли на заброшенном, развоёванном пляже, и теперь лица шахматистов в любую погоду напоминали маску Фантомаса.

С наступлением холодов клуб перебирался в подвал, где жильцы держали всякий домашний хлам и выращенные на дачах овощи. В проходе устанавливали старый расшатанный стол, а зрители следили за турнирами, сидя на бочках и ящиках. Потом жилконтора выделила комнату, бывший «Ленинский уголок», но в тёплую погоду собирались по-прежнему во дворе, за железным столом.

---

[1] СЭВ – Совет Экономической взаимопомощи (1949—1991).

Нина не сразу поняла, что отец играет на деньги. Наверное, это случилось в тот дождливый осенний вечер, когда игроки до последнего сражались под сиреневым навесом. Отец пришёл нервно весёлый, от него слегка попахивало спиртным и вкусным табаком. Привычку к выпивке и курению лёгких дорогих сигарет он приобрёл в своём «шахматном клубе». Это потом уже сигареты пошли дешёвые, вонючие, а лёгкий винный аромат сменился самогонным выхлопом, но Нина ничего этого долго не замечала, отчасти из-за частого отсутствия. Да и находясь дома, она пребывала в привычной отключке, перебирая, как скупой рыцарь, жемчужины городских впечатлений.

А тогда, осенью, она вдруг с поразительной ясностью увидела, как отец, стоя к ней спиной, достаёт из кармана куртки мятые, мокрые бумажки. И по характерному шелесту, и по выражению спины отца она сразу поняла, что он расправляет и складывает по номиналам деньги, много денег, при этом тихонько и довольно насвистывая, чего с ним давно не случалось. Почувствовав взгляд дочери, он обернулся и подмигнул, и она поразилась его мальчишеской улыбке и выражению таинственности, как будто они были заговорщиками.

Теперь Нуля ездила в Питер одна и, проходя знакомыми маршрутами: заходя на выставку в Манеж, забегая на минутку в пышечную на Желябова, чтобы выпить чашку сладкого бочкового кофе с обсыпанными пудрой пышками, – она представляла, что рядом с ней, с неизменным стаканом крепчайшего кофеина, устроился брат Гринечка. Который, слава богу, нашёлся, но с Нулей больше нигде не бывал, занятый делами.

Иногда она заходила к матери, которая резко передумала умирать, а навострилась пулемётной очередью колотить по клавишам компьютера, сочиняя то стихи, то рассказы и даже начала писать роман, но, запутавшись в персонажах, бросила. У мамы, как правило, сидел коллега по перу, некий Александр Сергеевич, и до Нули, в одиночестве пьющей чай с чёрствым, из кулинарии, пирогом, доносились его хвалебные восклицания: «Вот это стиль! Лихо, лихо закручен сюжетец!», – которые, как впоследствии выяснялось, относились к его собственным творениям.

Гриню застать удавалось редко. Теперь при встрече он её никогда не целовал, как бывало, а кидал: «привет – пока» или походя и больно ерошил волосы. Лишь один раз, в прихожей, явно волнуясь, спросил, не помнит ли она, где мать хранит старые серебряные украшения. На невразумительное «мэканье» резко бросил: «Забудь!» и умчался.

Но Нина не забыла и после того ужасного случая то и дело вспоминала, как Гринечка колебался спрашивая, как резко и зло махнул рукой, кинув «забудь». Как потом, уже после, смотрел на неё с тревогой, когда, придя не вовремя, она застала в квартире людей в милицейской форме, задающих матери вопросы. А та лежала на диване и отвечала лишь одно: «Вот, хотела детектив – получила детектив!». И хохотала сквозь икоту и слёзы.

После этого Нуля совсем перестала бывать в своей прежней квартире и появилась там вместе с отцом лишь в день похорон. Отец быстро напился, но не отправился «полежать», как он в таких случаях делал дома, а затеял спор с притихшим Александром Сергеевичем, доказывая, что онкологию надо лечить в Германии, в крайнем случае, в Израиле. Тот неопределённо возражал, потом тяжело отмалчивался, прежде чем закричать тонким, плачущим голосом: «Вы погубили её талант!».

Гринечка попытался встрять и получил от писателя свою порцию разоблачений, но никто ни словом не обмолвился о краже фамильных украшений. Нина тоже молчала, и напрасно Гринечка подлизывался к ней, изображая братское сочувствие, она и без того никогда бы его *не выдала*, благодарная за бесценное общение в прошлом.

В тот же год она поступила в Универ[2], на философский факультет, выбрав отделение конфликтологии, с традиционно высоким конкурсом. Погружённая в новую студенческую жизнь,

[2] Универ – СПБГУ – Санкт-Петербургский Государственный Университет (студенческий сленг).

она долгое время не замечала, что квартира постепенно пустеет. Спохватилась, обнаружив на месте холодильника большую картонную коробку. Отца не было дома, и Нина впервые за много месяцев оглядела квартиру и пришла к ужасному выводу: все более-менее ценные вещи исчезли. Бросилась к книжному шкафу – его полки были завалены кипами бесплатных газет, которые отец, подрабатывая, одно время раздавал на улице. И ни одной книги!

Бедный папа, он всё проиграл!

Тогда Нуля ещё не знала, что отец давно бросил шахматный клуб, а, вернее, его оттуда попросили по причине накопившихся невозвратных долгов. Их, правда, списали, но к железному столу допуск был закрыт. Зато повсеместно заработали игровые автоматы: в кафе, на заправке, в Доме Быта. Даже в ближайшем кафетерии стоял «однорукий бандит», и Витольд Захарович часами дёргал рукоятку, надеясь на верную комбинацию. Выигрыш толкал его на новую игру, ему никогда не хватало силы-воли уйти с малой денежкой, и он просаживал всё до копейки.

Нуля пробовала уговаривать, нашла врача, который брался лечить от игромании, но отец был невменяем и с покрасневшими от недосыпа глазами набрасывался на дочь, требуя денег, грозясь продать квартиру. Нуля отступилась, рассказала всё декану, которого студенты любили, называя «Батей». В тот же день Нина Чичмарёва получила место в общежитии, которое находилось в Петродворце, время на дорогу уходило то же, и она не ощутила никаких перемен, кроме полного безразличия к выходкам отца, судьбе квартиры и всей Металлостроевской жизни.

Именно тогда на углу Кадетской линии и Университетской набережной ей встретился Гринечка, необычайно возбуждённый и даже взвинченный, проводил до двери факультета и приглашал заходить в гости, посидеть за «рюмкой чая». Но опять пропал на целый год и объявился полностью преображённый, с волосами, собранными в кичку, и следами ожогов на руках и шее. Но эти пустяки его не волновали: он стал файерщиком.

Бурятские корни

Кто бы мог представить: всего за три месяца собрать новый коллектив, подготовить программу и перебить у самой Маши жирный куст гастролей по Сибири! Гриня вновь и вновь переживал тот момент, когда продюсер шоу «Сибирские Огни» Тумен Разгоев – сам Тума! – с обманчиво-глуповатым лицом вытащил из ноутбука диск с Драконом Дрюней и ёрнически произнёс: «Не получится. У нас электриков своих хватает». Но все понимали, что Тумен сегодня просто в таком образе, косит под дурачка, и возражать бесполезно. Маша и не возражала, молча взяла диск, изо всех сил стараясь не встречаться глазами с Гриней, но всё же не сдержалась, спросила, стоит ли вообще «дракона работать». Тума, не выходя из образа, кивнул: «Только от розетки отключи и огоньку добавь», и сам рассмеялся своей шутке.

Выступление Грини он просмотрел ещё накануне, вживую, на что никто не мог рассчитывать. Это Нулечка организовала, умница. Она узнала, что Разгоев всегда останавливается в Европейской. Администратору гостиницы намекнули, что есть потрясающий свежий номер, и артисты готовы для рекламы сработать бесплатно. Но с одним условием: на ресепшн «Европейской» и в ресторане «Крыша», где пройдёт выступление, повесить небольшие афишки.

Конечно, пришлось отблагодарить того полузнакомого деятеля, который эту ситуацию выхаживал. Теперь, когда контракт на восемнадцать выступлений с убедительной итоговой цифрой был подписан, изначальные сомнения казались Грине малодушием. Да, Нуля не зря пошла в конфликтологи, преодолевая на тренингах барьеры и покруче. Попутно она обучалась приёмам файер-шоу, набирала мастерство. Таня помогала ей, но самое главное – утащила от Маши способную Наташку, а та с собой ещё одну девушку привела, тоже огненную. Вот эта новенькая, Ася, бурятка по крови, стала той наживкой, на которую клюнул Тумен.

У Грини даже дух захватило, когда её впервые увидел, так напомнила о Жанне: маленькая, смуглая, с угольными, будто нарисованными, глазами. На этом сходство кончалось. Широкие скулы и вывернутые губы огрубляли лицо, фигуру портила заметная кривизна ног и совершенная безгрудость. Но все недостатки компенсировались природным артистизмом и длинными, ниже попы, тяжёлыми волосами, которые Ася раскладывала на две косы, вплетая разноцветные шнуры и металлические бусы. На представлении эти косы так и летали, придавая движениям дикарскую экспрессию.

Ну не мог Тумен пройти мимо! На афише Ася, почти заслоняя Дракона, крутила огненную палицу, и колесо огня перебивали две скользкие плетёные змеи, сверкающие искрами металла. И лицо так чётко, золотой маской!

Сценарий изменили буквально за три дня до приезда Разгоева. Вместо четырёх «гаремных» дев возникли дикие амазонки, воительницы, охотницы на Дракона. Они выслеживали его, их гнала жажда добычи и первенства. Этот сюжет, как всегда, пришёл к Грине из послеобеденного сновидения, когда сон зыбок и короток, а пробуждение выносит ярко-выпуклую – другую – реальность. Конечно, подсознание использовало охотничье детство Аси, о котором она иногда рассказывала, но Гриня не признался бы в этом даже самому себе.

Чуть не в последний день добавили Танин дебют с арканом. Этот номер Гриня подсмотрел у болгар, ещё на гастролях с Машей, и отметил для себя «на будущее», а потом забыл. И тут, очень кстати, в контексте с охотничьим реквизитом, вспомнил и даже сразу «переработал», памятуя предостережения о разборках за плагиат. В отличие от болгарского варианта верёвка аркана не пропитывалась топливом заранее. Подбрасывая и крутя лассо, Таня слегка обмазывала его летучим составом, он загорался от «дыхания» Дракона, и, хотя пламя держалось всего несколько секунд, полёт огненной петли завораживал зрителей.

Потом много раз вспоминали фрагменты этого решающего выступления: двойной кувырок Наташи, её подкат к столику Тумы с выбросом «пещерного» ножа, на что Разгоев под

одобрительный смех присутствующих незамедлительно выставил в ответ свой, вернее, ресторанный, с зубчиками и круглым носом. Всем понравилась Нуля, которая с отрешённым видом крутила огненные пои и, наученная Асей, выкрикивала перед началом охоты заклинания на бурятском языке. «Сагаан эрэ хун – луу[3]! Ухэл луу[4]!»

Но круче всех выступила Ася. До этого они два дня репетировали подскок на плечи Дракона, но равновесие держать не получалось. Ограничились тем, что Гриня пригибался, убегая от Тани с её арканом, и в этот момент Ася запрыгивала к нему на спину, отбирала горящий факел и, сидя на плечах, крутила его, изображая триумф победительницы. Вполне эпическая концовка.

Но тут, перед разогретым зрителем, скалясь и остервенело махая косами, она что-то гортанно выкрикнула и в момент взлетела к нему на плечи. Пару секунд балансировала, пребольно уцепившись пальцами ног за его ключицы, и резко выпрямилась. Гриня едва смог передать ей горящий шест, ухватил за лодыжки и еле держал равновесие. Дальнейшего он не видел: что она там делала, стоя на его плечах, только слышал те же гортанные, отрывистые фразы, а на голову и лицо капало горячим.

Победного ухода за кулисы не получилось. Ася спрыгнула и ринулась через столы, мимо застывших официантов – в фойе. Там она спугнула стайку англичан и с потухшим шестом – и сама вся потухшая, полуживая – побрела вниз по лестнице, где её догнал Гриня и повёл в гримуборную. По дороге, взглянув в зеркало, испугался: всё лицо его и волосы были в кровавых потёках. Это ничего, это моё, так бывает, – успокоила Ася.

Когда переодевались в гримёрке «Крыши», подчёркнуто-вежливый портье передал им приглашение от «господина Разгоева» присоединиться к нему в нижнем баре. Они переглянулись, а Гриня ткнул Нулю локтём и показал большой палец. И тут же, боковым зрением, срисовал рысий оскал-улыбку Аси.

Потом Таня ему рассказала, что у Аськи на эмоциях начинается «кровянка», поэтому ей ребёнка не завести и не выносить, даже если зачался. Ну, какие её годы, ещё успеет, смущённо отмахивался от женской темы Гриня и с удивлением узнал, что Аське уже тридцать два, что она четыре раза побывала замужем, но бездетность всех отпугивает. Для нашего дела – самое то, уже в дверях бросил Гриня, не заметив, как поникла Таня.

Уже на гастролях по Сибири, забираясь в свой полулюкс после серии изматывающих шоу, Гриня вспоминал горячую кровь на лице, и это его странным образом волновало. Какая она настоящая, честная, как моя бедная желтоклювая птичка! Но дальше таких мыслей дело не шло. Его вполне устраивал сложившийся расклад и полусемейные отношения в коллективе.

Они, и правда, неплохо сработались. Наташка доброй собакой ходила следом за Гриней, по одному его слову кидалась на защиту интересов группы: им меняли невыгодную площадку, выдавали бронь на самолёт, подгоняли солдатиков из соседнего гарнизона, если оставалось много непроданных билетов.

Гриня был доволен результатами сестры. Начав с нуля (Ну́ля!), боясь огня, как… огня, она уже через месяц очень прилично, а, главное, спокойно, крутила веера и пои. В этом была заслуга бурятки. Именно Ася, а вовсе не Таня, натаскивала Нулю, учила её разным тонкостям, которые приходят только с опытом и становятся ноу-хау каждого файерщика. Ими ни под каким видом не делятся, оберегая находки, составляющие особый почерк и бесценный багаж артиста. Но Ася прямо вцепилась в Нулю: использовала каждую свободную минуту, любую возможность учить, учить, добиваясь совершенства. И Нуля поначалу покорно, а потом, когда стали получаться сложные трюки, с упорством бесчувственного воина повторяла и повторяла упражнения, пока не падала без сил.

---

[3] «Сагаан эрэ хун – луу!» – Белый мужчина – дракон! (бурятск.)

[4] «Ухэл луу!» – Смерть дракону! (бурятск.)

Они были неразлучны, и никто не смел втиснуться, примкнуть к ним. Гриня не знал, как относиться к этому: женщины всегда дружат против кого-то. Но кожей чувствовал: Аська что-то задумала, с умыслом обхаживает сестру. И старался не смотреть ей в глаза. Нарочно стал сух и невнимателен к Нуле, Асю просто не замечал, ни с кем о них не говорил, будто отрезал, предоставив Наташке интерпретировать его указания, как ей вздумается. К этому все скоро привыкли, считая, что Гриня занят более важными вещами.

Иногда, пересекаясь маршрутами, встречали Тумена, и они с Асей о чём-то говорили на своём языке, а потом выяснялось, что договор продлён до конца осени, а гонорар увеличен вдвое. Летние сибирские гастроли давали команде возможность всю зиму бить баклуши, даже в какой-нибудь Турции. На будущую весну уже готовился новый контракт, но регион почему-то не оговаривался. По ситуации, загадочно улыбался Разгоев, и в этом умолчании просматривалась заграница.

Если выступления не сильно выматывали, Гриня коротко бросал Тане: приходи, – и не сомневался, что придёт. Его забавляло, как она резко бледнеет, вообразив, что кто-то слышал его недвусмысленный приказ, а потом, выждав несколько минут, крадучись, идёт к двери его номера. И войдя, с закрытыми глазами, стремительно, как в воду, кидается в духоту подушек, отдавая Грине то, что уже давно ему принадлежит. Почти машинально он снимал с неё одежду, как снимал бы с себя, прикасался к её щекам, губам, как прикасался бы к своим, бреясь. Только в самый пик близости вдруг до одури отчётливо видел улыбку-оскал, змеистые косы и целовал морского конька за ухом…

Охота на ведьму

Последние представления они давали в Тобольске, с которого и начинали своё турне. Выступали под аншлагом: за лето их слава разрослась, и те, кто были на первом шоу, привели знакомых. Программа за время турне значительно изменилась, и Гриня вынужден был признать, что авторство всех нововведений принадлежало Асе. Он внутренне бесился от того, с какой лёгкостью принимаются её предложения и буквально на ходу вплетаются в прежний, Гринин сценарий. Но только в Тобольске он понял, что Ася полностью захватила финал.

Поначалу ему даже понравилось, что Дракон из дичи превратился в предводителя амазонок и появилась достойная соперница – Колдунья. Что под конец Асю, а не его, ловят арканом, когда она запрыгивает к нему на спину. Он недоучёл особенность региона. Здесь, в новом Тобольске, выросшем на нефти, местного населения почти не было. Зал Дворца культуры, построенный три десятилетия назад, заполнялся выходцами из всех республик бывшей империи, среди которых преобладали азербайджанцы и казахи. Образ колдуньи им очень импонировал, в первый же день они устроили Аське настоящую овацию, Дракону же больше свистели.

Гриня попытался было вернуть прежний сценарий, но ему вдруг позвонил Тумен, наговорил кучу лесных слов… смелые находки… успех у зрителей… и Грине стало понятно, что менять ничего не надо, если он хочет получить новый контракт.

В Тобольске Таня стала угрюмой и рассеянной. Отработав программу, шла в старый город, с деревянными линялыми домами, летней пылью и бродячими собаками. Теперь она не каждый раз откликалась на его зов, просто не приходила и всё. А наутро, не глядя в глаза, что-то бормотала однообразное: устала, заснула. Впрочем, он и сам не так уж сильно её жаждал, но до конца гастролей решил ничего не менять.

В ту ночь перед последним выступлением Таня тоже не пришла, но Гриня так увлёкся мечтами о грядущем сезоне, что даже не вспомнил про неё. Он по десятому разу перемалывал сегодняшний разговор с Тумой, его одобрительное цоканье, свои остроумные реплики, которые, к сожалению, пришли в голову уже после встречи. Но это теперь не имело никакого значения – контракт был подписан. Болгария, Польша, Украина и под конец – единственное представление в Москве, на Красной площади, где пройдёт международный фестиваль альтернативного искусства.

Гриня сам не заметил, как погрузился в сон, и Красная площадь – с маленьким, игрушечным кремлём, с витой, карамельной главкой собора Василия Блаженного – светила из мглистой дали яркой звёздочкой, у которой было имя… имя… Наплывающие волны сна то выбрасывали Гриню на песчаный берег реальности, и тогда он сквозь неплотную занавеску видел мигающие огоньки высоток химкомбината, то уволакивали в темень океана, где в мерцании светляков проступали со дна бесконечные водоросли, перевитые цепями затонувших кораблей.

Ж-ж-ж-ах-х-х… ж-ж-ж-ах-х-х-а-а… – вздыхали волны. И Гриня вспомнил: Жанна. Имя его путеводной звезды – Жанна. И улыбнулся: она там, там, высоко. Она ведёт его… Жанна, прошептал он во сне. Ася, – откликнулось эхо, и очередная высокая волна слизнула его лёгкое мальчишеское тело, обмотало водорослями-косами и понесла в такую провальную пучину, что захотелось немедленно выскочить на поверхность, глотнуть воздуха. Но его тащило всё глубже, глубже, тело забилось в агонии удушья, в ушах что-то лопнуло, и наступила тишина.

Здесь, под немыслимой толщей воды, он с облегчением почувствовал, что воздух ему больше не нужен. Слух вернулся обострённо и избирательно. Беззвучно пролетали мимо стаи прозрачных рыб, а шёпот сухого камыша где-то в невероятной выси, напоминал знакомые

слова, вот только их значение ускользало. Бездыханный, он лежал темноте, с расширенными невидящими глазами, и слушал однообразное, баюкающее: хусэхэ[5]… таалалга[6]… таалалга…

И только утром, стоя под душем, обнаружил, что вся грудь покрыта малиновыми ожогами и следами укусов. Хусэхэ, хусэхэ, прошептал он и тут же вспомнил, как часто в разговоре с Туменом Ася повторяла это слово. Провалявшись в номере почти до начала программы, Гриня время от времени произносил, стремясь передать артикуляцию: хусэхэ… таалалга, – и, в конце концов, стал понимать их значение. Ему припомнились и другие слова, услышанные ночью: хай да[7]… хэшье[8]… обретающие от повторения смысл. И вдруг, как шипенье змеи, выползло из норы памяти: эльбэшэн эхэнэр[9]. Так восторженно говорил Тума вслед уходящей Асе, а сам перебирал *зэли*[10] с нанизанными монетами…

Заключительное представление началось с бурных оваций. Первое отделение прошло чисто, но без накала. И артисты, и зрители понимали, что весь драйв отложен под конец и в предвосхищении азартно хлопали. В антракте Гриня пил в буфете минералку и обсуждал с Наташкой подходящий рейс на Питер. Чертовски захотелось домой, в свою белую студию, и чтобы ни единой души, никого рядом.

Сегодня же решить с Таней, объясниться и… покончить с этим. Она, конечно, уйдёт от него, к той же Маше вернётся, виноватая и раскаявшаяся. Ничего, она справится, поплачет, но справится. И вдруг понял, что Наташка как раз про неё и говорит, мол, на Татьяну билета брать не надо, она здесь остаётся. Как остаётся, почему? – с преувеличенным изумлением, а на деле с облегчением, спросил Гриня. Так у неё здесь родители, она же из Тобольска, ты разве не знал?

Конечно, знал, столько раз она про этот Тобольск ему говорила, всё поминала наличники в столетних избах, затопляемых весной до самых окон, и тайгу, что в часе езды. Только всегда он её слушал в пол уха, не интересно ему это было. Что ж, одной заботой меньше…

Началось второе отделение, и публика возбуждённо шумела, потом раздались редкие хлопки, моментально переросшие в овацию. Свет погас, и в полной тишине загудел-заплакал морин хуур[11], испуганной птицей вскрикнула лимба[12], гулкая дамара[13] забила цокающими копытами, и низкий, будто медвежий голос зарычал, заухал: «Сагаан эрехун[14]… сагаан эрехун… алаха[15]… алаха…».

Наташа – в чёрном в облипку свитерке с нашитыми светоотражающими полосами – выбежала на сцену, играя огненными пальцами.[16] Каждый выпад, направленный в зал, вызывал бурный отклик: от испуганного визга до одобрительного свиста. Таня стояла за кулисой с арканом в руках, ожидая выхода Аси. Гриня, стоящий с факелом наготове, уже начал тревожиться, но по восторженным крикам зала понял, что Аська опять приготовила какой-то сюрприз.

---

[5] Хусэхэ – хочу (бурят.)

[6] Таалалга – поцелуй (бурят.)

[7] хайн даа – спасибо (искаж. бурят.)

[8] Хэзээшье – никогда (искаж. бурят.)

[9] эльбэшэн эхэнэр – колдунья (бурят.)

[10] Зэли – волосяная веревочка с застежками, подвесками, использовались в качестве амулета, оберега.

[11] Морин хуур – монгольский двухструнный смычковый музыкальный инструмент

[12] Лимба – старинный деревянный духовой инструмент типа поперечной флейты. Звук лимбы очень сильный, пронзительный.

[13] дамара – барабан, обтянутый с одной стороны кожей, по которой при встряхивании инструмента ударяют кожаные шарики, прикрепленные на веревочках к корпусу.

[14] Сагаан эрехун – белый мужчина (бурят)

[15] Алаха – убить (бурят.)

[16] Огненные пальцы получаются благодаря специальным перчаткам с насадками, в которые крепят металлические пруты с фитилями.

Он выглянул из-за кулисы и чуть не выронил шест. Задирая колени до плеч и победно выбрасывая руки, Ася двигалась по проходу с самого верха амфитеатра. Вместо обтягивающего трико на ней был настоящий шаманский костюм: длинный балахон с бахромой, колокольчиками на шнурах и висящими меховыми фигурками животных. Утыканная перьями шапка вздымалась продолжением смоляных волос. Бесстрастное лицо-маска отливала золотом.

Как же она в этом наряде вскочит мне на плечи? – забеспокоился Гриня, но тут же уверился: вскочит. Ещё как вскочит и удержится, и факелом будет махать!

Опустив забрало дракона, он зажёг приготовленный шест и под устрашающий рык выскочил из-за кулис. Наташа бежала навстречу, подняв горящие руки-канделябры. В это время, оторвавшись от толпы зрителей, Ася запрыгнула на сцену. Приседая и мотая тяжёлыми, звенящими от бубенцов, косами, она подскочила к Грине и закричала, оскорбительно брызжа слюной: «Гуйха баялиг! Гуйха гал[17]!». Толпа одобрительно загудела.

Гриня разозлился. Он не понимал, что там кричит эта ведьма-Аська, но чувствовал: она решила напоследок выпендриться и показать характер. Скорее бы финал, а там разберёмся с этой бабской самодеятельностью! Как бы принимая вызов, он сделал боковой кульбит с горящим факелом и тут же почувствовал, как зажгло в глазах и запахло палёным: несмотря на защитную маску, он сжёг себе брови и ресницы. От резкой боли Гриня на время ослеп и рухнул на колени.

Ася захохотала, поставила ногу ему на спину и стала выкрикивать в толпу: Алаха луу! Алаха луу[18]!». В ответ послышался радостный отклик: «Ухэл луу[19]!». Аська завыла, забилась, как в падучей, и под восторженные крики толпы продолжала выкрикивать: «Ухэл луу! Ухэл луу!». Гриня уже отошёл от болевого шока, поднялся с колен и крутил огненный шест, всё ближе подбираясь к «ведьме» – пора было заканчивать охоту. Но Ася вдруг стала кричать высоким, дребезжащим голосом: «Сагаан эрехун! Алаха![20]»

И такое отчаянное бешенство было в этих криках, что Гриня всерьёз обеспокоился. Он пытался перехватить её взгляд, поймать успокоительный намёк: мол, всё по роли. Но Ася была невменяема, носилась по сцене, продолжая трястись, звенеть и выкрикивать всякую чертовщину. Пытаясь как-то закончить выступление, Гриня проделал несколько боковых прыжков с факелом, напустил огненных вихрей, но его просто не замечали. Эльбэшэн эхэнэр… эльбэшэн эхэнэр… колдунья… колдунья, – гудели ряды.

Таня появилась бледная, как привидение, и застыла, зачарованно глядя на Асю. Гриня поискал глазами Нулю, но сестрёнки нигде не было. В ту же минуту он увидел, как она крадётся вдоль кулисы, уходя вглубь сцены. Да что это они, совсем сдурели напоследок! Лепят что хотят! Гриня в ярости сжал зубы, мысленно раздавая девчонкам тумаки и затрещины. Ну, хорошо, закончат они без Нули, но что за дела? Это всё Аська-ведьма, её влияние… Вот и Таня почему-то медлит, не бросает аркан. Смотрит на бесноватую Асю зачарованным взглядом.

И вдруг с чёткостью озарения Гриня понял, что сейчас произойдёт. И неуверенность Тани, и бешенство Аси, и даже «огненные пальцы» Наташи – всё завязалось в единую живую цепь, которая замыкалась прямо на его глазах. Он рванулся наперерез Тане, но было поздно. На Асю уже неслась петля аркана и, пролетев рядом с его факелом, вспыхнула, загоревшись гудящим пламенем. В ту же секунду его повалило ударом сбоку, что-то острое впилось под рёбра, и от боли он на миг потерял сознание.

Зрительный зал наполнился криками ужаса, завыла сирена пожарной сигнализации. Дальнейшее происходило как в страшном сне. От факела занялась кулиса, Гриня силился

---

[17] Гуйха баялиг! Гуйха гал! – Проси богатство! Проси огонь! (бурятский)

[18] Алаха луу – Убить дракона (бурятский)

[19] Ухэл луу – Смерть дракону (бурятский)

[20] Сагаан эрехун! Алаха! – Белый мужчина! Убить!

и не мог подняться, словно пригвождённый к сцене. С обморочной стереоскопичностью накатило видение: под дождём потолочных огнетушителей, как в замедленной съёмке, пролетела огненная петля, а в ней обугленная голова с тлеющими перьями.

Падения и взлёты

Сознание возвращалось толчками, с приступами боли. В следующую секунду боль спадала, и Гриня погружался в воронку бесчувствия. Окончательно пришёл в себя, когда вечернее солнце нарисовалось сквозь просвет штор оранжевым зрачком. Ася, что с ней? – метнулось в мозгу. Ощутив чьё-то присутствие, Гриня повернул голову, и давешняя боль тут же схватила под рёбра, пресекая дыхание. Он застонал, и над ним полной луной зависло страдающее лицо Наташки. Она силилась улыбнуться, но слёзы, быстрыми ручьями стекая с носа, закапали ему на грудь. Так же быстро Наташка успокоилась и уже говорила и говорила жарким шёпотом, будто рядом кто-то спал. На самом деле Гриня лежал один и по форме кровати, гладкости белья и безликой стерильности помещения понимал, что находится в больничной палате класса «люкс».

Наташка всё твердила про Бога, который всех спас, периодически с восторгом всхрапывая: «Я чуть тебя не убила!». Из её путаных объяснений Гриня понял следующее: Танька передержала верёвку, та загорелась по-настоящему и, если б она, Наташка, не набросилась на Гриню, огненная петля его бы накрыла. Вот только про канделябры на руках забыла, имито и ткнула под рёбра. Хорошо, что лёгкое не задела. Она бы и Нинулю оттолкнула, да как одной-то?

– Нули же не было на сцене, – возразил Гриня, и тут же вспомнил летящую огненную петлю и голову с горящими перьями.

– Как же, не было… Она-то как раз и была.– Наташка по-бабьи, горестно вздохнула и пояснила: «Аська с Нулей приготовили тебе сюрприз. Они эту подмену давно наметили втайне от всех. Сольный дебют Нины Чичмарёвой! Ведьма против Дракона! Если бы не Танькина оплошность – ты бы сестрой был доволен. Ведь как они тебя разыграли!».

Поняв неуместность восторга, Наташка судорожно вздохнула и продолжила: «У Тани ожоги рук, но не страшные, её домой отпустили. А вот у Нулечки – сильно обгорели лицо и шея. Лежит в ожоговом центре госпиталя, завтра будут оперировать. Ты не волнуйся, всё обойдётся. Разгоев сказал: опасности жизни никакой. Из Москвы светило летит, профессор Кругель… виртуоз». И тут же затараторила придушенным шёпотом – про могущественного Тумена, рулящего по всем вопросам. Следователя страховой компании сумел правильно настроить, теперь он работает по-честному, местных оперов укоротил, а то уже разогнались до теракта! Доктора́ – что здесь, в городской больнице, что в химкомбинатовском госпитале – маршируют и честь отдают. Никаких денег не требуют, страховка покрывает все расходы. И всё Разгоев…

Но Гриня уже не слушал. Надо срочно повидать сестрёнку! Он представлял, как бедная Нулечка мучается или лежит одна в забытьи под морфином. И уже никто не в силах исправить случившееся! Если только этот Кругель, виртуоз… Но ведь не волшебник! Всё из-за неё, из-за этой ведьмы! Какого дьявола она затеяла подмену?! И ведь ему – ни звука, ни намёка. Сюрприз, видите ли, готовили! А Разгоев старается… Значит, обо всём знает и Аську прикрывает.

Гриня попытался сесть, но перед глазами всё завертелось, и он чуть не свалился на пол. Вошла сестричка и вежливо, но непреклонно спровадила Наташку, а Гриню уложила под капельницу. Монотонность и тишина навевали покой, и Гриня, преодолев приступ бессмысленной деятельности, затих.

То, что произошедшее не случайность, сомнений не вызывало. Вот только кто это затеял? Ася? Зачем? Они с Нулей очень дружили, им нечего было делить. Оставалась Таня. Не просто так она передержала верёвку. Ревновала Гриню к Аське и, не зная о планах девчонок, метила в соперницу. Но ведь и в него тоже!

Стоп, *таких* подозрений не было. Ему показалось… нет, он был уверен, что в зрительном зале видел Машу. Ну да, во втором ряду слева. Ведьма в своём балахоне как раз мимо неё вышагивала. Ещё тогда подумал: глаз с Аськи не сводит, стерва.

Машка могла… Таньку подговорила сорвать номер, в глаза ей тыкала: он, мол, предатель, всех использует и бросает, за тебя взялся, и тебя бросит, другую уже обхаживает. Но ведь это не правда, и Таня отлично знает, что Аська сама начала, сестру приручала, чтобы своей стать. Нет, не пошла бы Танюха на такое!

Гриня провалялся всю ночь без сна, перебирая мысли. Под утро в палату неслышно проскользнула маленькая женская фигурка. Она возникала то справа, то слева от кровати, поправляла тонкими пальчиками одеяло, подносила к губам Грини поильник, из него холодной струйкой тёк влажный воздух с запахом прелых яблок. Женщина забиралась с ногами на стул, прикладывая к горячему лбу ледяные ладошки, и Гриня знал, чьи это ладошки. Ведь тебя больше нет? – спрашивал он женщину, но ответа не получал и не ждал. Это был просто такой рефрен: «тебя больше нет, тебя больше нет». Он звучал, пока не потерял всякий смысл, и тогда Гриня уснул.

В последующие дни его, бледного, спокойного, видели то в холле ожогового центра, то во Дворце культуры либо у входа в мэрию, где засели страховщики. Узнав, что лёгкие не задеты, он тут же покинул больницу, расписавшись в бумагах и выслушав напоследок от лечащего врача предупреждение о возможных последствиях «вплоть до хронической невралгии и удаления ребра». Ничего, Адам и без него шороху наделал… как-нибудь… Но в мозгу засело, что мог бы и трупиком отдыхать в чистеньком морге.

С сестрёнкой он практически не разговаривал, её глаза на забинтованной голове глядели внимательно, как бы припоминая, руки поверх одеяла постоянно двигались, суетились. К Нуле приходили то с уколами, то с капельницами, а потом увезли в операционную, куда устремилась целая толпа зелёных халатов – перенимать опыт московского кудесника. Грине велено было часов пять где-нибудь погулять, а тут и Разгоев появился, подхватил под руку, усадил в машину с мягким, быстрым ходом.

Уже через несколько минут они входили во «Дворец Наместника», где в большом белом зале, накрытом богато и сдержанно, сидело и обедало человек двадцать. Завидев Разгоева, все засуетились, но, повинуясь его успокоительному кивку, продолжили трапезу и общий разговор. Тумен устроил Гриню слева от себя, кресло справа занял коренастый, лысый дядька с высоким, крутым лбом и чёрными бесперебойными бровями, отчего его лицо казалось поделённым надвое. Так это ж водитель, вспомнил Гриня, но потом засомневался, услышав, как свободно, по-барски тот разговаривает с подошедшим официантом.

Пожалуй, с этого водителя началась у Грини полоса неузнавания. Потому что сидевшую напротив женщину он разглядывал довольно долго, прежде чем сообразил, что перед ним Ася. Это было ужасно глупо, пришлось делать вид, что задумался, только заметил… Но Ася улыбнулась одними глазами и поднесла ко рту ладонь: то ли знак молчания, то ли неотправленный воздушный поцелуй. Выручил Тумен с вопросами по меню, но от Грини не укрылся их обмен взглядами.

Тут поднялся мужчина, сидящий во главе стола, и, явно продолжая прерванный разговор, призывал не паниковать, действовать в рамках текущего соглашения, а под конец предложил утвердить состав правления. Все одобрительно закивали, а Разгоев сказал вроде бы и не громко, но отчётливо: «Это правление надо полностью заменить, старики не справляются». Похоже, главный не ожидал от него такой реплики, он вздёрнул плечами, покраснел и стал что-то быстро говорить сидевшему рядом. По характерному жесту плечами Гриня узнал мэра Тобольска, который был на первом представлении «Дракона» и вместе с Разгоевым заходил в гримёрку. Их даже знакомили.

Что здесь вообще происходит, и зачем Тумен меня сюда затащил? – соображал Гриня и тут же сам себе отвечал: а чтоб знал, с кем имею дело, и не рыпался. А он и не думал! Только вот про Машу надо сказать. Но это потом, когда всё закончится. Почему-то Гриня не был уверен, что Тумен ухватится за версию с Машей. Да он и сам как-то не рвался в бой. Уже ничего не исправишь, а Нуле нужна помощь.

Между переменой блюд Тумен ронял в сторону лысого краткие реплики, из которых стало ясно, что они на собрании акционеров «Тобольск-шоу» – кормушки комитета по культуре – и что Тумен Разгоев там что-то вроде председателя, а мэр – президент. Лысый же, которого звали Борей, исполнял роль секретаря. Он деловито вытащил из портфеля пару скреплённых степлером листков и передал на другой конец стола, где их тут же – видимо свита мэра – принялась изучать.

Не дожидаясь результата и, видимо, не имея в том надобности, Разгоев встал из-за стола и, направляясь к выходу, прощально поднял руку. Они вышли втроём, но Тумен направился к своей машине, а Боре велел довезти Гриню до госпиталя. Напоследок он выдал непонятную фразу про бесполезное горение факелов над Тобольском и вред от него для вынашивания ребёнка. Вам не грозит, подумал Гриня, угадав на заднем сиденье Лендровера силуэт Аси.

В ожоговом центре его поджидал очередной «незнакомец», который выскочил, будто из-под земли, и зашипел-закашлял какие-то ругательства. И только на «гадёныше» Гриня признал Витуса, а так ни за что бы не подошёл, встретив на улице. Плешивая голова безобразилась множеством чирьев разной спелости, зубы практически отсутствовали, жёлтые никотиновые пальцы с траурной каймой под ногтями смотрелись нечистыми и дрожали беспрерывно. Сивушный дух вылетал с каждым словом.

Однако персонал отнёсся к нему сочувственно. Отец, отец приехал, бедняга… шелестело по углам. Гриня попытался проскочить в палату, но его не пускали. Пациентка в реанимации, стерильно, общение исключено, ждите доктора. И ему ничего не оставалось, как устроиться в холле. Сразу подсел отчим и занудил слезливо, будто не он только что поливал руганью. Про скверную жизнь, одиночество, про дочь, которая его бросила и связалась с подонком. Это он меня имеет в виду, и Гриня сочувственно кивал.

Доктор появился заполночь. Было видно, что его, смертельно усталого, подстегнули к беседе звонками, он вымученно улыбался и всё повторял: «сделал что мог». Из полезного было только пожелание добыть редкостный препарат и настойчивая рекомендация не волновать пациентку визитами. Ещё Гриня понял, что сначала Нуля будет лежать без всяких бинтов под защитным колпаком, потом её переведут в отдельную палату, и тогда… Вот тогда его присутствие будет очень полезным, потому что настроение, развлечение и общий тонус… Хорошо, что Витус всё это время спал, и, хотя доктор выгибал бровь под натужный храп и угарный запашок, повинность общения с родственниками выполнил до конца.

Подходя к двери своего номера, Гриня заметил сидящую в холле женщину. Мысленно отметил, что похожа на Машу, но только на тихую, провинциальную Машу, не накрашенную, в сереньком свитере. И тут же кольнуло – это она и есть. И сердце забухало как с перепоя, а злые обличительные слова так и остались невысказанными. Маша поднялась навстречу, и Гриня отметил, как сильно она постарела: мгновенная сетка морщин возникала при любом движении лица; красный берет, который ещё недавно так подходил к её каштановым волосам, смотрелся нелепо, по-клоунски.

Он открыл дверь и, дождавшись, пока Маша войдёт следом, захлопнул и даже закрыл на защёлку. Он хотел быть уверенным, что ему никто не помешает. Не помешает что?! Он и сам не знал, только понимал, что вот прямо сейчас произойдёт нечто важное в его жизни, но молчал, боясь спугнуть. И ничуть не удивился, когда Маша, закурив свою коричневую пахитоску, принялась выкладывать ту самую версию, предваряя каждое предложение словами «ты

вероятно думаешь…». Что выслеживала она его, хотела отомстить, Таньку-соперницу в компаньонки взяла.

– А что, скажешь – нет?! – Гриня и сам знал, что нет, но от него требовались реплики, иначе правде было не вылезти из хаоса догадок.

– Ты в уме? – голос Маши был спокоен и насмешлив, – Она на четвёртом месяце беременности. Я что, похожа на детоубийцу?

– Ты хочешь сказать, – промямлил Гриня непослушными губами.

– Я хочу сказать, что у тебя будет сын, – закончила Маша, как будто этот факт напрочь исключал всяческие козни. – Ну, хочешь, я Таньку сюда приведу?

Таньку? Сюда? Зачем? – забилось в мозгу, но Гриня только пожимал плечами и категорически отсутствовал. Перед глазами стояла картинка из учебника по биологии, на которой лишённый покровов живот демонстрировал свернувшегося личинкой гномика с закрытыми глазами и пальцем во рту. И от этой нарисованной картинки то веяло холодом, то пекло нестерпимо, то всё разом немело, и никакими силами было не выговорить: мой сын.

Маша о чём-то ещё шептала, размазывая слёзы, Гриня вытирал ей лицо салфетками из бара и целовал уголки рта, как это повелось с первой их ночи. Это было прощанием и примирением, и ещё чем-то новым, восторженным. Ах, у него же есть сын, – и он благодарно гладил её волосы, плечи, и, уткнувшись в желобок под шеей, шептал: «Спасибо, спасибо…», – будто это Маша вынашивала сына, а не Таня.

Когда Маша ушла – да он и не заметил, как ушла! – ещё долго лежал в полной темноте на двуспальной, не расстеленной кровати и, обнимая подушку, шептал ей: «У меня будет сын… у меня есть сын». И подушка вздыхала.

Часть 2. ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА

На дне колодца

Долгое время Гриня шёл, не разбирая дороги. Ноги сами несли, следуя указаниям внутреннего маршрутизатора. Светофоры, повороты, встречные прохожие, – всё это было не более чем кулисами – главное происходило там. Там! Куда устремилось его доселе сонное и апатичное существо.

Сразу после звонка – просто мгновенно! – пространство квартиры преобразилось. Вся шелупень одиночества: с незаметно наметаемым мусором, тишиной, звуками собственного сердцебиения, дыхания, шарканьем подошв сносившихся тапочек, мёртвой пустотой холодильника, – всё внезапно взорвалось и закричало, забегало, хватая на ходу то куртку, то бумажник, хлопая дверьми и оставляя за плечами целый мир. Да, целый мир тоски и отчаяния! Нет, лучше не стало. Просто тоска и отчаяние сменились злостью и гневом. А это уже было нечто, пригодное для жизни.

Кажется, вечность он проваливался, хватаясь за пустоту, а последнее время уже и не хватался, просто лежал на дне, подогревая существование то крепким чифирём, то стаканом спирта, а, если повезёт, упакованной беломориной. Лучше лежать на дне в тихой, прохладной мгле, чем мучиться на суровой, жестокой, проклятой Земле![21]

Теперь, когда вызов брошен, когда подёрнутые пеплом прошлые обиды и подставы разгорелись и выкинули его из мёртвой пустоты, он ощутил мощный прилив сил, отчасти знакомый по «скорости[22]». Когда-то без этого допинга он не мог прожить и дня, маялся целыми сутками и полз, обессиленный, на поклон к Королю. Это было так давно! Не верилось, что выберется… Но и от шмали[23] надо отвыкать, подсел он, как есть подсел. И всё из-за обвальной непрухи!

Как резко всё тогда покатилось! Нет, чтоб событиям идти постепенно, по очереди. Тогда, возможно, удалось бы как-то удержаться, накопить подкожной устойчивости, а, главное, – не обрубать! Ведь он всех отрезал, вышвырнул из своего бытия. Героем поначалу ходил – как же, он прав, прав, а они… все они… Да сволочи, вот и всё! И лишь постепенно, на падающей волне, сожаление и грусть – да, да, самая обычная грусть с оттенками понимания и приятия – пропитали его тело ностальгическим эликсиром, которым, вероятно, пропитывают мумии для сохранности на века.

И отсюда, из глубины колодца, обрушенные напасти перестали быть такими трагичными, их виновники и участники не выглядели больше злодеями и придурками, а последствия представлялись не столь безысходными. И стало ясно, что Тумен действовал в общих интересах, а то, что у Грини отняли лицензию на проведение культурных мероприятий, так это тот минимум, на который соглашались следователи. В остальном-то именно Разгоев помог! Ну, а то, что с Машей и Асей затеял программу, практически не отличимую от его «Охоты на ведьму», так – признайся хоть самому себе! – это Аськина была постановка. И флаг им в руки! А вовсе не тот скандал, который он учинил на премьере, выкрикивая с галёрки: «Плагиаторы, воры!».

Правда, пьяный был тогда, узнав, что Нуля после больницы отказалась с ним ехать в Питер, отправилась к отцу в Металлострой, спряталась. Лица своего стеснялась, и нервишки сдали – всё плакала и спала. Смирись и радуйся воссоединению семьи! Не-е-ет, мы будем стра-

---

[21] Лучше лежать на дне в тихой, прохладной мгле, чем мучиться на суровой, жестокой, проклятой Земле – строка песни из к\ф «Человек-амфибия»

[22] Скорость – амфетамин, наркотик (сленг)

[23] Шмаль – марихуана (сленг)

щать: ты что, забыла, как он… ты что, сгнить в этом навозе хочешь?! Да ещё попрекать, виноватить во всём. Бизнеса, мол, из-за неё лишился. Тьфу!

С Таней вообще идиотом выступил. Начал тайком преследовать, а потом уже следил в открытую, давил морально. Из Тобольска уехал, не попрощавшись, – а ведь знал, знал, что Машка к ней ходила и о разговоре доложила! Потом вдруг на понтах заявился, вроде как приглашённый на премьеру Туменовского шоу, и целую неделю, оскандаленный и выселенный из гостиницы, пластался за ней по пятам. Причём молча, вроде как угрожая.

Она даже раз остановилась – пузико уже натягивает старое пальтишко – глядела на него выжидательно, а он, осёл тупорылый, усмехнулся, сплюнул и пошёл прочь, крикнув в небо: «Сама придёшь, мартышка!». Хотел напомнить ей этой «мартышкой» о моментах близости, когда глупое прозвище превратилось в любовную ласку. А получилось оскорбление – кругом, как назло, люди, да ещё подруга её матери затесалась. И всё. Всё!

Он остался один. Даже Наташка потянулась вслед за Асей и Машей, радуясь, что взяли в команду. Поначалу заходила и звонила, вроде как его сторону держала и обо всём докладывала. А потом – ну, он сам дурака свалял, назвал изменщицей, – потихоньку отстала, ни звонков, ни встреч. Тишина.

Но всё же сообщила о рождении сына. Позвонила и быстрым шёпотом, будто скрываясь: мальчик у тебя, вес три пятьсот, рост пятьдесят один сантиметр.

– А волосы, волосы какого цвета?

– Лысый он. – И баста, трубку повесила.

Это даже хорошо, что всё так плохо! Значит, пришла пора действовать. Та история… она ведь не кончилась. Пожалуйте, Григорий Александрович, к барьеру! Место дуэли – клиника профессора Лилонга. Соперник – пока не ясно, на месте разберёмся. Раз сами заманили, снисхождения не ждите! Подыхать будет, а не отпустит! Так и знайте, Григорий Батищев готов к драке! Ишь они, наживку придумали – сестру бесплатно лечить.

А этот спившийся шахматист и рад: вот, мол, без тебя обойдёмся. Сам позвонил, Нуля бы не стала. Да ещё на радостях все детали выложил: новую операцию сделают по швейцарскому методу – только свои ткани. Попутно дефекты, какие надо, уберут. Нос длинноват – подкоротят, губы подправят – выбирай любую форму. Все расходы за счёт международного фонда! Почему Нина Чичмарёва? Рекомендация хирурга Кругеля, что оперировал в Тобольске. Ну, и профессия роль сыграла: грант как раз по теме «Помощь пострадавшим на сцене артистам». Так что можешь спать спокойно, пусть тебя совесть больше не мучает! И трубку кинул, старый хрен.

Хорошую легенду состряпали! Всё сходится, ха-ха! Психологи! Верно рассчитали, что Витус непременно ему сообщит, а там – чеши репу, прикидывай: то ли в ножки кланяться, то ли на рожон лезть. Или в благодарности его были так уверены, что об ином и не помышляли? Напрасно… не откупитесь.

Гриня знал, что Нулю привезли сегодня утром, значит, ничего сделать не успели, и есть шанс… Пожалуй, он и сам не смог бы ясно сформулировать, зачем примчался, чего конкретно хочет. Вот чего он не хочет, это пожалуйста!

Первое – чтобы оперировали сестру без его согласия. Мало ли что отец не против, а он Нине Чичмарёвой – родной брат! Мало ли, что предлагают ей сделать губы, нос, да хоть всё лицо – на любой фасон! Знает он, какие у них фасоны! Дублированные! Небось, и оригинал где-то рядом ходит…

Второе – он не хочет, чтобы его держали за болвана! Они должны, они просто обязаны всё ему рассказать. Про Жанну, про Анну Турчину, про налёт на квартиру и кражу перстня Мазепы. Они знают об этом, они в курсе всех событий! С того момента, как доктор Карелин привёл его к Жанне, они следят за ним, вмешиваются в его жизнь. И главный у них – Стас! Это он познакомил Гриню с Анной, выдавая её за Жанну.

И ведь знал, подлец, что обман проскочит! И с Анной, видимо, там же, в кафе, договорился. Интересно, что он ей наплёл? Воздыхателя, мол, Жанкиного встретили, будешь за неё отрабатывать. А куда ей деваться? Играла до конца! Только пусть Стас не брешет – дублёрша уже сидела на героине, а Гриня лишь со временем втянулся, чтобы стать к ней ближе, одним воздухом дышать. Понятно, что *такая* дочь профессора им не подходила. Её просто списали, как списывают повреждённую мебель. Сбросили ему на руки.

Вот только связка с Королём пока не ясна. Последний раз, убегая от пуль, Стас бросил: «Филон, гнида!», – и тут же исчез за углом, как провалился. Курняк их видел и, вероятно, следил за мансардой, но Гриня, хоть и заметил следователя, кинулся за Стасом. Но где его догонишь… А потом пошли изматывающие мысли, смерть матери – и финиш! Всё надоело, и он отдал зелёную папку Курняку. И до сих пор жил, почти не касаясь прошлого. Только Ася, чем-то похожая на его бедную, желтоклювую птичку, смущала, дурманила. Ведьма!

Волна встречного ветра развернула Гриню лицом к двухэтажному жёлтому зданию со стрельчатыми окнами и выступающим входом, напоминающим башню замка. Гриня вспомнил добытую в компе информацию об этом особняке в Стрельне. Про громадную, бесценную библиотеку, исчезнувшую одномоментно, будто в подпол провалилась. Про неудачные магические опыты бывшего хозяина, вследствие которых дом наводнили привидения. Якобы именно они стали причиной бесконечной смены владельцев. И каких владельцев! Общество слепых, Приют для душевнобольных, колония для трудных подростков – ну, это уже при Советах. Дом переходил из рук в руки, дважды горел. Потом лет пять стоял заколоченный, потихоньку разрушаясь. Наконец его передали какому-то иностранному фонду – тут Гриня уже в курсе! – и теперь, после реставрации, открылся Институт Красоты. Убойной красоты.

Провокация

Натянуто улыбаясь в глазок камеры, Гриня нажал кнопку звонка и с лёгкостью открыл высокую резную дверь. Посреди зала возвышалась конторка наподобие островерхой беседки, на второй этаж вели лестницы, расположенные по бокам полукругом. Вдоль стен стояли скамьи с мягкими сиденьями, и два неподвижных силуэта возле окна, напоминающие скорее призраков, проступали в разноцветных лучах оконного света.

Гриня подошёл к конторке и увидел справа от окошка кнопку с надписью: push and we'll come[24]. Он так и сделал. Через минуту послышались цокающие каблучки, в центральных дверях возник прямоугольник оранжевого света, и на его фоне забрезжила, закачалась в такт шагам тонкая фигура с вытянутой от шапочки головой и прозрачным шарфиком вокруг шеи, порхающим по плечам эфемерным мотыльком. Где-то на полпути шаги замедлились, в метре от светящегося круга потолочной люстры фигура остановилась, и мелодичный, чуть надтреснутый голосок спросил, по какому он делу.

Мгновенный провал возник в груди, и в гулкую пустоту частыми каплями просочилось живое, тёплое, перехватило дыхание и тут же задышало вместе с ним, забилось под яремной ямкой. Гриня стоял, ошеломлённый, будто вынырнул из ледяной воды вечного сна, и спящая душа потянулась к этому голосу, лёгкой дроби каблучков, птичьему движению головы. Последние два года и всё, что сопутствовало им, показались – да нет, и были такими! – бессмысленным и жестоким умерщвлением души.

– Вы по какому делу?.. – Я вас везде ищу… – Мы вроде не знакомы?.. – Знакомы, ещё как!.. – Но это невозможно… – Неужто, почему?.. – Я вас впервые вижу… – А это уже ложь!.. – Я позову охрану… – Зовите хоть кого!.. – Вам лучше удалиться… – Нет, только не сейчас!..

Напряжённая тишина вернула реальность, и он произнёс заготовленную фразу про сестру, Нину Чичмарёву, и желание поговорить перед операцией с профессором.

А вдруг ошибка, вдруг опять его повело обманным мороком? Всматриваясь в контражур лица, Гриня выискивал знакомые черты. Шапочка хоть и закрывала волосы, но ровный край чёлки был хорошо виден, как и непокорная прядка слева, которая, загибаясь кверху, придавала лицу удивлённое выражение.

– Ты уходишь?.. – А как же я тут одна?.. – Что, уже вечер?.. – Я так долго спала…

Гриня не двигался, он ждал следующего шага, выводящего девушку на свет, и тогда, убедившись окончательно, предложил бы… Нет, схватил бы на руки и понёсся, не разбирая пути, лишь бы подальше, подальше от этого места! Но, может быть… может быть, это не Жанна, вернее, другая Жанна. Не его…

И в последней надежде Гриня негромко выдохнул ту самую фразу-пароль, которую он каждый раз, возвращаясь, выкрикивал ещё от входных дверей: «Жанна, ты звала, и я пришёл».

Она шагнула под свет ламп, и Гриня подавил вздох. Конечно, *эта* не могла быть его бедной, больной девочкой, хотя подобное сходство достигается только близким родством или… Да, именно так. Стас не обманул: в Белебёлке погиб двойник, и он сам целый год называл *другую* Жанной. И любил *другую*. Эта девушка, конечно, дочь профессора и вряд ли его помнит. Они виделись всего один раз, когда доктор Карелин предложил ему работу и познакомил с «клиенткой». Но ведь именно тогда он влюбился, ошалел, себя не помнил и не понимал! До того, что потом не заметил подмены? Не-е-ет, такое не возможно!

Девушка смотрела на него молча, и лишь вздрагивающая бровь выдавали её смятение. Или ему показалось? Она сделала вид, что не разобрала фразы и ответила с приветливой улыб-

[24] push and we'll come – нажми и мы придём (англ.)

кой: «Здравствуйте, я Жанна, менеджер клиники. Мы всегда рады гостям. И Нина будет вам рада. Идите за мной».

Так всё-таки Жанна… Гриня шёл следом и бесстрастно отмечал знаки отличия: *его Жанна* ставила ступни почти по-балетному, носки так и разлетались; у *его Жанны* талия была намного тоньше, а ноги чуть длиннее даже без каблуков. И ещё – ладонь. У *его Жанны* на правой руке был сильно отставленный мизинец, который Гриня всегда целовал отдельно и называл хвастунишкой. Татуировку увидеть не удалось – высокий воротник форменного платья закрывал шею.

Палаты находились на втором этаже, и, поднимаясь по правой лестнице, Гриня заметил спускавшегося по левой Витуса и порадовался, что разминулись. Скандал был бы обеспечен, и тогда прощай намеченный план. Впрочем, сейчас, после встречи с Жанной, он уже не был так уверен в своих решениях.

Нуля обрадовалась его приходу, обняла, прижалась щекой. Она немного боится, но Стас… Станислав Юрьевич такой милый, он всё разъяснил, показал фотографии. Ты представляешь, уже через три месяца и следа от рубцов не останется! Кожа будет как прежде, даже лучше, потому что её возьмут знаешь откуда?

Нуля кокетничала, смеялась, надежда на возвращение былого счастья – всего лишь не быть уродкой! – придавала ей смелости, но в глазах пульсировал эдакий столбнячок страха, и Гриня не стал ей ничего рассказывать, поцеловал глянцевую кожу щеки и ушёл повидаться с «твоим Станиславом Юрьевичем». Довольный смешок сестры, дверь закрылась, теперь можно выдохнуть.

Да, обложили вы меня, ребята! И как не побоялись *её* показать… А чего бояться? Жанна Лилонга – дочь уважаемого профессора. А вы, молодой человек, кем будете? Ах, брат нашей пациентки, получившей дар небес! Вам несказанно повезло, поздравляем! Не беспокойтесь, идите домой, всё будет хорошо.

Ну нет, домой он не пойдёт, а сделает именно то, что обещал сестре: пообщается с «милым Стасом». Гриня дошёл до конца коридора и оказался в небольшом круглом холле – верх башенки, отметил про себя. В него выходили три двери, на одной была табличка «Лилонга Виктор Генрихович». Может, у папаши узнать, куда исчез двойник дочери? И Гриня, едва стукнув, резко открыл дверь.

Кабинет поразил средневековым видом. В стрельчатых окнах кое-где синели родные витражные стёкла, высота помещения подчёркивалась устремлённым в потолок камином, напоминающим орга́н. В кресле за массивным столом, обложившись бумагами, сидел Стас. Он очень изменился с их последней встречи. Вроде как помолодел, ушёл кабаний загривок, лицо посветлело и вытянулось. Мгновенное недовольство тут же сменилось радушной улыбкой, и вот он уже бодро хлопает Гриню по плечу, называя «пропащей бестией», но взгляд говорит о другом. Я ему зачем-то нужен, догадался Гриня.

По тому, как Стас развалился в кресле патрона, было понятно, что в этом кабинете он царствует не впервые и к трону готов. А ведь, действительно, готов. Ещё женится на дочери, и папаша может почить с миром. Мысль об этом неприятно задела, и Гриня отмахнулся: к чёрту, к чёрту всё… забыть!».

Заговорили о Нуле, об операции. Имя Разгоева возникло почти сразу: Тумен Нашанович оплачивает операцию – у фонда таких денег нет. С московским хирургом напортачил, пусть реабилитируется. К тому же Анастасия Тармаева, ну да, Ася – виновница несчастья, это ведь она уговорила сестру на подмену. Стас всем корпусом развернулся к Грине, и стала заметна впалость груди, острые плечи. Да, он совсем форму потерял в этих кабинетах…

– У Разгоева с Асей ничего не вышло, ему нужны дети, а она… Ну, ты в курсе?

Гриню передёрнуло от развязного тона, и Стас тут же заговорил просто и доверительно: «Я слыхал, Ася любит тебя, да Нашаныч и не против, сам сказал».

Ага, сватает, от Жанны отводит. Неужели дело в этом?..

– Ты ведь этого перца, Курняка, знаешь? Он разнюхал, что я был в Белебёлке, забрал тело Анны. Конечно, забрал. Объяснил ему, как дело было, показал страховку и договор, по которому она добровольно согласилась дублировать Жанну Лилонга.

Стас достал из ящика стола прозрачную папочку, вынимал листки, комментировал. Он ходил по кабинету, и закатное солнце сквозь витражное стекло раскрашивало его лицо красными и синими полосами. Внезапно он остановился перед Гриней и проговорил так, словно это только сейчас пришла ему в голову: «Ты мог бы помочь. Ведь вы год жили с Анной вместе. Достаточно подтвердить её наркозависимость, исчезновение… И придумывать ничего не надо, ведь всё так и было».

Да, только было и похищение, о котором Гриня не заявил, и долги Королю, и работа на него: сам фасовал и отправлял, по школам пакетики разносил. Такое рассказать – срок получишь. И Стас об этом наверняка знает. У него явно какие-то тёрки с Королём.

– О сестре не беспокойся. Гарантия на операцию – семь лет. Всё это время – как с новой тачкой – техническое обслуживание, профилактика и, не дай, конечно, бог, устранение всех неисправностей. – Стас остановился перед Гриней, будто хотел быть уверенным, что сказанное будет правильно воспринято: «Семь лет обязательного контроля, и никакой самодеятельности!».

Гриня знал, что имеет в виду Стас, видал таких: с обвислым лицом, проваленными губами – старухи в сорок лет! Пожалуй, это похоже на шантаж. Семь лет – а там и срок давности, и дело закрыто. Но теперь поздно, назад ходу нет. Они загнали его, загнали…

Он шёл к платформе узкими тропками, подальше от толпы. Хотелось побыть одному, переварить ситуацию. Перелез через ограду из колючей проволоки и вдруг очутился среди заброшенных промышленных корпусов. В вечернем сумраке эти бетонные громады – с торчащей арматурой, выбитыми стёклами, ржавыми баками у дверных проёмов – выглядели поверженными останками некогда кипучей-могучей индустрии. Как-то не верилось, что в пяти минутах от этой декорации из фильмов-ужасов процветает стерильная чудо-клиника, а совсем рядом спешат на вокзал ничего не подозревающие люди.

Гриня с трудом выбрался на тротуар и облегчённо вздохнул, заслышав мирный звук электрички. Обернулся, но никаких промышленных руин не было видно – рыжие осенние деревья стояли сплошной стеной, а в просвет между домами гигантской таблеткой выкатывалась полная луна. Гриня прибавил шагу и вскоре уже сидел в вагоне электрички, прикидывая, что ему делать дальше. Как связать утренние намерения с новыми обстоятельствами.

Нульку уже не отговорить: Стас для неё – свет в окошке, надежда из надежд. Да, поймали тебя, Гринус – полный минус. Будешь молчать и не рыпаться. Там, глядишь, Аську подкатят, она задурманит-зашаманит – вообще обо всём забудешь.

Ну, уж нет! У него есть сын – теперь он знает имя: Святослав. У него есть… Жанна. Жанна, в которую он был влюблён. Да что там – был! После первой же встречи у Валентина Альбертовича – прямо умом двинулся. Запал, пропал, провалился в пустоту её взгляда. Гриня вспомнил агатовые глаза, золотисто-оливковую кожу, пальцы – большой и указательный – сомкнутые подушечками в знак вечности. И горячая волна подняла из глубин души – чуть было не выброшенную с вещами на помойку, чуть было не отданную вместе с зелёной папкой, почти похороненную – прежнюю любовь.

Господи, что с ним произошло?! Как получилось, что он перестал быть хозяином своей жизни, окунулся в череду мистификаций, где ему подсовывали бесконечные матрицы, слепки той, первой любви? Золотая невеста, весёлая подружка «мексиканца», зависимая от наркотиков, мёртвая девушка в Белебёлке, – все они лишь копии той единственной, впервые встреченной и навсегда завладевшей его сердцем?

А как же его бедная, желтоклювая птичка? То есть, его гиблая, обречённая наркоманка? С этим надо разобраться, и Жанна должна знать. Он понял, сразу прочёл на её тревожном лице: знает. И ещё он прочёл… Ну, да рано об этом, пока надо раскачивать лодку.

Повторное воплощение

Целых две недели Нулю готовили к операции: приручали, как выразился Стас. Он терпеливо объяснял Витусу суть проводимых процедур, по-приятельски общался с Гриней, приоткрывая лишь фрагмент профессиональной тайны, которого хватало для сохранения врачебного доверия. Гриня, пожалуй, не смог бы внятно пересказать, в чём смысл «приручения», и только перед самой операцией догадался: *они* полностью снимают стресс, мандраж, убирают сомнения – всё то, что может стать причиной отторжения новых тканей. Стас это косвенно подтвердил, обмолвился как-то, что прошлая операция была сделана блестяще, но не вовремя, когда пострадавшая находилась в посттравматическом шоке. На этот раз такого не случится.

Самыми трудными для Грини были пять дней после операции, когда он не мог видеть сестру. Вообще-то ему прямо было сказано – приходить пока не надо. Нет, не Стасом, тот куда-то уехал, а хирургом, прилетающим из Тбилиси и совершающим чудеса по средам и четвергам. Такой вот редкостный специалист. Сразу после операции он семь минут уделил беседе, и по акценту Гриня понял, что Пётр Алексеевич Турманов – грузин. А почему оперирует не Виктор Генрихович? – порывался Гриня спросить Жанну, но, вспомнив тот пресловутый визит в дом профессора – его одышливое, бесформенное тело на кушетке, примчавшегося медика со спрятанным в кармане шприцем – решил не задавать глупых вопросов.

С Витусом обошлось. Они всего пару раз встретились в Нулиной палате, оба вели себя корректно, разговаривали мало и по делу, что, скорее всего, объяснялось трезвым состоянием отчима. Потом он долго не появлялся, возник почти перед самой выпиской, и было понятно, что недавно вышел из запоя. К тому времени кризисные пять дней прошли, и успех операции не вызывал сомнений. Нуля ходила по зелёному холлу реабилитационного отделения, с зеркалами на стенах, чтобы пациентки – «постояльцы», как их называли в клинике – могли наблюдать за своим новым лицом, привыкать к нему.

Она сияла глазами, и, хотя розовый цвет кожи с малиновой «каймой» по границе выглядел пока искусственно, ежедневные процедуры, как живая и мёртвая вода, успокаивали, заживляли. Лицо её так похорошело, что Гриня подозревал – с ним как-то особо поработал гастролирующий грузинский кудесник: на волне вдохновения, между делом, наложил пару штрихов для завершения шедевра. И лишь неожиданное появление в палате Стаса – в воскресенье, поздно вечером – объяснило преображение сестры: она им восхищена, боготворит. Да что там – просто влюблена!

Это только для Грини приход Стаса был неожиданным. Нуля не сомневалась, что обязательно увидит его долговязую, чуть сутулую фигуру, тяжёлую шапку тёмных, с серебром волос, услышит полувопросительные интонации, тихий, как осыпь песка, смех. И глаза, говорящие глаза – слов не надо! Впрочем, они подолгу разговаривали, вернее, говорил в основном, Станислав Юрьевич. Про клинику, интересных пациентов, будущее Нины.

Да, они обсуждали её личную жизнь, и Нуля призналась, что забросила учёбу в универе, сорвалась с четвёртого курса, помогая брату. Ну, теперь он больше не нуждается в вашей помощи, Ниночка – он всегда называл её Ниночкой – и добавлял многозначительно: скорее наоборот. И это «наоборот» казалось Нуле обещанием перемены её судьбы.

В какой-то момент Гриня расслабился, отбросил мстительные чувства. С сестрой всё в порядке и, похоже, Стас проявляет к ней особое внимание. Почему Гриня вбил себе в голову, что между ним и Жанной что-то есть? При чём тут дочь профессора Лилонга?! Тогда, два года назад, у Стаса был роман вовсе не с Жанной, а с Анной. Они жили в соседней комнате, а Гриня, лёжа сиротой на подростковом узком диванчике, мучительно представлял, что делается за стенкой, подушкой затыкал уши, чтобы заглушить финальное трубное соло Стаса, тихо

радуясь лишь тому, что *её* голоса не слышно. А потом Стас ушёл, оставил ему Анну. Уступил… Ничего удивительного, кому охота связываться с наркоманкой.

Да что теперь вспоминать, Анны больше нет. А Жанна – вот она! Каждый день они теперь видятся. Конечно, предмет разговоров и совместных действий – Нуля. То сестрёнке мешает свет потолочных ламп, и Гриня помогает их менять. То они вместе везут каталку на физиотерапию, потому что Нуля вдруг забоялась и держала брата за руку. И втроём они часто болтали, а Нуля понимающе прищуривала глаза, кивая подбородком в сторону отлучившейся Жанны.

В выходные, когда Жанны не было в клинике, он чувствовал пустоту и скуку, но тут удачно объявился Витус, взявший на себе эти два дня. А Гриня правдами и неправдами оказывался на набережной Грибоедова и бродил возле знакомого дома, заходил во двор, смотрел на окна четвёртого этажа, вспоминая, как испугался мёртвой «золотой невесты», как убегал через чёрный ход…

Однажды Жанна пригласила Гриню в кафе для сотрудников, и с того дня они постоянно обедали вместе. Эти полчаса, проведённые наедине – ну, почти наедине! – были самыми счастливыми. Жанна совершенно менялась, и по её глазам Гриня читал: да, да, тоже. Он сделал попытку поговорить про их первую встречу, чем смутил её и расстроил. Больше он к этому не возвращался, полагая, что жить заново – прекрасная мысль. Но тут же вспоминал, что так уже было, он начинал новую жизнь, выкинув из дома всё прошлое вместе с вещами и отдав зелёную папку Курняку.

Гриня знал, что следователь его разыскивает, но к общению не стремился. Теперь, когда забытые чувства, отлежавшись под наркозом, вспыхнули с новой силой, страшно захотелось покончить с прошлым, оторвать мешающие хвосты. Возможно, Курняку есть что сказать. Возможно, дело закрыто, и нет нужды ворошить старое. А если он что-то выяснил, если обнаружился перстень Мазепы? И Гриня твёрдо решил, как только Нулю выпишут, встретиться со следователем.

Но уже прошла неделя, как Стас на своём вишнёвом форде доставил Ниночку и Гриню на Новосмоленскую набережную, а звонок к Курняку всё откладывался и откладывался. Какая-то недодуманная мысль отводила от принятого решения. Поначалу хотелось устроить сестру получше – она всё мечтала о своей бывшей «детской» с квадратным окошком и двухъярусной кроваткой, которой давно уже не существовало.

И тут появился Стас, он притащил нечто плоское, в вакуумной упаковке, мгновенно превращённое в лёгкую и удобную кушетку с белым матрасиком и специальным подголовником, мягким и упругим. Эргономичная кровать, подарок от спонсора, скромно пояснил Стас. Гриня ни на секунду в это не поверил: вынюхивает, приглядывается. Но, взглянув на Нулю, принялся благодарить, пожалуй, что и чрезмерно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.